

УЧАСТИЕ БЕЛОРУССКОЙ ССР В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮНЕСКО И МЕНТАЛИТЕТ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА (1954—1964 гг.)

Светлана Свилас

В статье на основе архивных документов, советской и современной историографии, а также использования междисциплинарного и микроисторического подходов охарактеризованы менталитет и культура белорусского общества периода хрущевской «оттепели» и рассмотрено их противоречивое влияние на членство Белорусской ССР в ЮНЕСКО. Подчеркнуто, что участие в деятельности Организации стимулировало изучение языка, истории и культуры белорусского народа, а также достижений мировой культуры, способствовало росту профессионализма дипломатов и других белорусских участников сотрудничества с Организацией.

Ключевые слова: Беларусь, внешняя политика, дипломатия, междисциплинарность в истории, менталитет, «советская цивилизация», «человек советский», хрущевская «оттепель», ЮНЕСКО.

«BSSR' Participation in UNESCO Activities and Mentality of the Belarusian Society (1954—1964)» (Svetlana Svilas)

On the basis of archive documents, Soviet and modern historiography as well as with utilization of the interdisciplinary and micro-historical approaches, the article gives the characterization of the Belarusian society mentality and culture of the «Khrushchev thaw» period and analyses their contradictory impact on the BSSR' participation in UNESCO. It is emphasized that participation in the Organization's activities induced to learning the language, history and culture of the Belarusian people as well as achievements of the world culture, it also contributed to growth in professionalism of diplomats and other Belarusian participants within the cooperation with UNESCO.

Keywords: Belarus, diplomacy, foreign policy, interdisciplinarity in history, Khrushchev thaw, mentality, the «Soviet civilization», the «Soviet person», UNESCO.

Author:

Svilas Svetlana — Candidate of History (PhD), Associate Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: svilas@tut.by
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, BELARUS

Исследование генезиса взаимодействия Беларуси и ЮНЕСКО, изучение и использование накопленного в этой области позитивного опыта содействуют реализации национальных интересов Республики Беларусь, ее позиционированию за рубежом в качестве ответственного и предсказуемого партнера. Одним из важных, но неизученных аспектов этой проблемы является менталитет и культура белорусского общества в годы хрущевской «оттепели». Понятие «менталитет» отражает специфику восприятия и переживания эпохи людьми, а также особенности их поведения. Он выражается в речи, манерах, деятельности, а на его формирование оказывают влияние не только природные задатки человека и самовоспитание, но и социально-культурные условия. В свою очередь, менталитет оказывает су-

щественное влияние на общественные процессы [12, с. 3, 16—18]. Цель данной статьи — на основе архивных документов [1; 26; 27], советской [2; 3; 16; 19; 20; 24; 25; 30] и современной историографии [9; 10; 15; 18; 31; 40—42], а также достижений социологии и психологии [8; 11; 12; 23] рассмотреть особенности менталитета белорусского общества в первое постсталинское десятилетие и его противоречивое влияние на сотрудничество Беларуси с ЮНЕСКО.

Автор исходит из того, что круг белорусских участников взаимодействия с ЮНЕСКО не ограничивался только делегатами на форумах Организации, стипендиатами, участниками ознакомительных поездок, а также сотрудниками министерств и ведомств, задействованными в переписке или других формах взаимодействия с Секретариатом. Он был гораз-

Автор:

Свилас Светлана Францевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: svilas@tut.by
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Космач Геннадий Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка
Гайдукевич Леонид Михайлович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международного туризма факультета международных отношений Белорусского государственного университета

до шире: это посетители и участники выставок, члены клубов интернациональной дружбы, читатели публикаций об Организации, слушатели лекций по линии Общества по распространению политических знаний БССР и выступлений белорусских дипломатов по радио и телевидению. С другой стороны, непосредственные участники сотрудничества с ЮНЕСКО были советскими людьми с присущим им менталитетом.

Психологи Л. Я. Гозман и А. М. Эткинд называли хрущевскую «оттепель» удивительным временем, которое останется, возможно, самым счастливым периодом советской истории. Ее психологическую сущность составляли механизмы инсайта (внезапного осознания реальности) и катарсиса (эмоционального эффекта очищения, сопровождающего инсайт). Причем Н. С. Хрущёв сделал многое, чтобы помочь людям достичь инсайта, но катарсический процесс был остановлен. «Советский синдром» определяется Л. Я. Гозманом и А. М. Эткиндром как ощущение принадлежности к великому народу; подвластности могущественному государству; безопасности среди равных друг другу людей, живущих общей жизнью и всегда готовых прийти на помощь; превосходства над порочным капиталистическим миром [8, с. 165–166, 168].

Социолог Ю. А. Левада констатировал формирование в период «оттепели» первого в советской истории поколения, свободного от массового страха и надеющегося на гуманизацию социализма. Люди, родившиеся в конце 20-х — начале 40-х гг. XX в., свои надежды возлагали преимущественно на реформистские возможности партийного руководства [23, с. 265–269]. Данные анкетирования, проводившегося Институтом общественного мнения «Комсомольской правды» на протяжении 1960–1964 гг., дали основание его директору Б. А. Грушину разделить советское общество на три группы: адептов власти, умеренных конформистов (они составляли большинство) и немногочисленных неконформистов, но по отношению к ЦК КПСС и правительству СССР — на две: позитивную и нейтральную. Он отмечал склонность советских людей периода «оттепели» к персонизации власти, традиционному выделению одного лидера [11, с. 534–538].

Отметим, что, по данным ЮНЕСКО, самым переводимым в мире автором был Н. С. Хрущёв [31, с. 323]. На партийных собраниях МИД БССР дипломаты выражали благодарность ЦК КПСС, возглавляемому Н. С. Хрущёвым, за заботу о благе советского человека, подчеркивая, что деятельность «дорогого Никиты Сергеевича» снискала Советскому Союзу «славу самого стойкого и самого последовательного борца за справедливость в международных делах, за освобождение народов, угнетенных колониализмом» [26, ф. 907, оп. 2, д. 30, л. 98;

д. 33, л. 64]. Заместитель министра культуры БССР П. В. Люторович отмечал у деятелей литературы и искусства наличие «чувства безграничной любви к родной Коммунистической партии», желание укреплять связь с жизнью народа, полнее отражать строительство коммунистического общества [24, с. 137].

Мир на Земле советские люди рассматривали как условие победы социализма в мировом масштабе, реализации грандиозных планов СССР и достижения личных целей. Респонденты, среди которых были студенты Витебского педагогического института и жители Гомельской области, продемонстрировали единодушие, оптимизм, отсутствие сомнений в своей правоте, достаточно высокий уровень информированности относительно проблем войны и мира. В то же время в ответах наблюдались засилье языковых штампов, почерпнутых из средств массовой информации, высокая степень зависимости людей от текстов официальной политики (о возможности мирного сосуществования двух систем, превосходстве советской военной мощи над американской), черно-белое восприятие мира: «мы» (лагерь социализма, борцы за мир, братья по классу) и «они» (империалисты). Ответы анкеты отражали гордость за успехи и оборонную мощь Родины, ее ведущие позиции в мире, полную лояльность по отношению к существующему в стране строю, поддержку власти и ее лидера [11, с. 69, 71, 90, 96–111]. Отметим, что в музее Великой Отечественной войны заместитель Генерального директора ЮНЕСКО Р. Майо в апреле 1961 г. оставил следующую запись: «Посещение этого музея, посвященного героизму белорусского народа, вызывает и укрепляет в сердце всякого человека отвращение к войне и веру в конечную победу свободы». Он признался, что экспозиция была для него неожиданностью, ему стали «гораздо лучше» понятны многие советские предположения [34].

Реакции респондентов на информацию о зарубежной жизни были характерны агрессивность или враждебность по отношению к «империалистам», подозрительность к иному образу жизни; настороженность в отношении малопонятных явлений зарубежной культуры; дружелюбие и солидарность, адресованные соратникам в борьбе за мир и прогресс, козыряние превосходством Советского Союза и советского человека над всем иностранным [11, с. 541]. То же можно сказать об ответах с форумов ЮНЕСКО: белорусские делегаты позволяли именовать руководство Организации «кликой», предупреждали об опасности ее превращения в «идеологический филиал НАТО», обвиняли оппонентов в нежелании основываться на фактах, писали о «тлетворном влиянии» западной прессы, радио, телевидения, а основным противником считали США и страны НАТО [31, с. 68–70, 97–98, 139–143, 233–238, 297–298]. Первый секретарь КПБ К. Т. Мазу-

ров признавал, что не каждый советский человек способен отличить модные на Западе веяния в культуре, «искусно приправленные антисоветским душком», от настоящей литературы и искусства, «не всякий сумеет противопоставить таким веяниям классовую, патристическую позицию» [25, с. 10].

Контент-анализ анкет, проведенный Б. А. Грушиным, свидетельствует, что опыт СССР рассматривался в качестве универсального. Советские люди демонстрировали монолитный тип мировоззрения и уверенность в своей правоте. В сознании респондентов присутствовали мифологемы, в частности: «система социализма имеет коренные преимущества перед системой капитализма», «вся власть в социалистическом обществе принадлежит народу», «венцом творения на Земле является советский человек». Менталитет был в огромной степени зависимым от существовавшей в обществе коммунистической идеологии [11, с. 420—430, 524—525]. В лекционной работе ответственный секретарь Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО Е. Ф. Безродный использовал тезис о том, что белорусский народ в результате победы Октябрьской революции и «братской помощи великого русского народа» создал суверенное национальное государство. Оно является «составной и неотъемлемой частью могучего Советского Союза», «передовой индустриально-колхозной республикой», превратившись в таковую из «отсталой и темной окраины царской России». По его же оценке, участие СССР, БССР, УССР и ряда социалистических стран в работе ЮНЕСКО «в значительной степени оживило» деятельность Организации [3, с. 17—18, 28].

Председатель Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО Г. Я. Киселёв, относивший себя к поколению людей, воспитанных в духе «беззаветной преданности» коммунистическим идеалам, был уверен, что попытки вражеских сил империализма принизить «величие завоеваний» Советской власти позорно провалились, коммунистическая идеология стала могучим рычагом развития общества, однако призывал сотрудников Министерства культуры «бдительно следить за происками вражеских сил империализма, относиться к иностранцам внимательно, но с достоинством, не ползая на брюхе, держать язык за зубами, ...не быть ротозеями, чтобы не попасть в сети, вести воспитательную работу с артистами и творческими работниками, выезжающими за границу, помнить о бдительности изо дня в день, а не от случая к случаю» [19, с. 5, 7, 186—187, 189; 26, ф. 974. оп. 3, д. 15, л. 29].

Если в западной истории интеллектуальная элита вырабатывала основные представления о внешнем мире, которые затем использовались политической элитой, то в советской истории происходил обратный процесс — интеллектуалы были вынуждены перенимать

представления и установки политического руководства. Во всех слоях советского общества принижался уровень западной цивилизации, ее ценностей, потенциальной способности капитализма к трансформации, переоценивалась степень враждебности правящих кругов Запада к СССР [10, с. 104—120]. Министр просвещения И. М. Ильюшин и председатель правления Союза писателей республики П. У. Бровка культуру Беларуси досоветского периода характеризовали как ограниченную и узкоклассовую, в отличие от «высшей ступени» — культуры БССР. Констатируя расцвет социалистической по содержанию и национальной по форме культуры, они отмечали ее революционный, прогрессивный и оптимистический характер. Эта культура не знает ни застоя, ни кризиса, постоянно пополняется новыми идеями, духовно обогащает советского человека, формируя в нем такие черты, как коллективизм, патриотизм, интернационализм, признание равенства людей независимо от расовой или национальной принадлежности, уверенность в своих силах. По оценке И. М. Ильюшина и П. У. Бровки, буржуазная культура переживала кризис, упадок и деградацию, сеяла индивидуализм, пессимизм, мистику, ненависть, открыто пропагандировала войну, культивировала индивидуализм и идею расового превосходства; она ограничена, антинародна и антигуманна. Космополитизм в западноевропейской культуре интерпретировался как прикрытие идеологической экспансии американского империализма и его стремления к мировому господству [30, с. 224, 247, 329].

В период «оттепели» наблюдался всеобщий интерес к воспитанию нового человека. Контент-анализ анкет участников опроса общественного мнения позволил Б. А. Грушину сделать вывод о господстве рефлексивного (рационального) сознания над нерелективным (иррациональным), психическом здоровье нации, ее приверженности здравому смыслу и выраженному атеизму, а также нетерпимости к инакомыслию в сферах идеологии и морали [11, с. 519—520]. Заместитель министра культуры БССР и участник ряда форумов ЮНЕСКО П. В. Люторович, определяя советское время как «золотое» для деятелей белорусского искусства, призывал их вселять бодрость и энергию в сердца советских людей, бороться с безыдейностью, аполитичностью, формализмом и натурализмом, буржуазным национализмом и космополитизмом [24, с. 137]. Белорусская делегация на 12-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО добилась принятия резолюции, в которую вошли несколько строк из Морального кодекса строителя коммунизма [31, с. 228].

Среди приоритетных ценностей в период «оттепели» признавалось не материальное, а духовное богатство личности, мир вещей ко-

тировался ниже мира идей, общим настроем был духовный подъем, удовлетворение жизнью, оптимизм при взгляде на будущее [11, с. 532, 538]. Вместе с тем, по оценке К. В. Киселёва, условия в МИД были «во много раз лучше, чем в других ведомствах, к нам всякий пойдет работать» [26, ф. 907, оп. 1, д. 558, л. 14]. Впервые вопрос о зарплате обсуждался на партийном собрании в октябре 1964 г.: молодые дипломаты жаловались на большую разницу в оплате труда по сравнению с союзным внешнеполитическим ведомством, а также в Представительстве СССР при ЮНЕСКО, бесплатную работу по написанию статей, на что получили ответ А. Е. Гуриновича: «Коммунист не должен ставить так вопрос, а должен работать, сколько требуется для дела» [26, ф. 907, оп. 2, д. 33, л. 43, 47–48, 94].

Социологи отмечают низкий уровень знаний и слабую информированность советских людей того времени о мировой культуре. Среди лучших произведений художественной литературы и кинематографа мира не оказалось ни одного иностранного имени, в первой десятке наиболее выдающихся произведений живописи и скульптуры — лишь два (О. Роден и П. Пикассо), в списке сооружений архитектуры — четыре (здание ООН в Нью-Йорке; Эмпайер стейт билдинг в Нью-Йорке; павильон «Атомиум» на Всемирной выставке в Брюсселе; Бразилиа (застройка города), а бесспорным фаворитом в музыке — немецкий композитор XIX в. Л. ван Бетховен [11, с. 415–418]. Следует объяснить неприятие некоторых зарубежных культурных ценностей политической, в том числе и дипломатической, элитой советского общества, выезжавшей за рубеж, по причине моральной и идейной несовместимости: если реалисты рассматривают человека как личность, живущую в гармонии с государством, социалистические реалисты — как личность, государству подчиненную, то у модернистов и постмодернистов человек противостоит враждебному миру и несовместим с государством [29, с. 127]. Вместе с тем для Е. Ф. Безродного бесспорным был тезис о том, что культурные связи помогают народам лучше понять и оценить друг друга, способствуют ослаблению международной напряженности, укреплению мира, являются важным средством обогащения национальных культур, равно как и мировой культуры в целом [2, с. 1–2, 9, 17; 3, с. 22].

Бюро ЦК КПБ, рассмотрев в августе 1960 г. вопрос об издании и рецензировании иностранной художественной литературы в республике, приняло решение отдавать предпочтение писателям стран социалистического лагеря, прогрессивным писателям капиталистических стран, а также произведениям литературы стран, борющихся за национальную независимость. Бюро обязало Союз писателей не допускать преувеличения роли произведений представителей буржуазной литературы,

вскрывать не только сильные, но и слабые стороны их творчества, формировать у читателя «правильное» представление о сложных процессах, происходящих в зарубежной литературе [26, ф. 4-п, оп. 81, д. 1517, л. 7–8]. Министр иностранных дел Белорусской ССР К. В. Киселёв, будучи в Париже, и Постоянный представитель республики при ЮНЕСКО Б. В. Кудрявцев не искали встреч с художниками Парижской школы, выходцами из Беларуси, хотя были их современниками [см.: 38]. Выступая осенью 1960 г. на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, поэт М. Танк (Е. Скурко) отмечал: «Модернистское, формалистическое искусство опустошает внутренний мир человека, лишает человека его идеала. Вырастает поколение без путеводной идеи, без знамени. Никакие модные этикетки не могут прикрыть убожество авангардного искусства». Он высказался за искусство, в котором «не найдете фальшивых слов, неверных звуков и красок, мертвых истин» [26, ф. 907, оп. 1, д. 433, л. 94]. В сентябре 1963 г. советская редакция журнала «Курьер» выпустила номер без статьи К. Поппера «Искусство, движение и свет», что вызвало негодование Генерального директора ЮНЕСКО Р. Майо: «Если мы пойдем по пути сепаратизма, то завтра американцы откажутся поместить статью против расовой дискриминации, а послезавтра арабы не напечатают статью, в которой упоминается культура Израиля... "Курьер ЮНЕСКО" как журнал международной организации перестанет существовать». Постоянный представитель СССР при ЮНЕСКО А. П. Павлов разъяснял: «для нас статья неприемлема по принципиальным соображениям», сторонники абстрактного искусства в СССР немногочисленны [26, ф. 907, оп. 1, д. 712, л. 103–109]. В октябре 1963 г. на сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО советская делегация дала «решительный отпор» выступлениям представителей США и Италии о «безыдейности искусства», причем нашла поддержку большинства участников [26, ф. 907, оп. 1, д. 712, л. 178–182].

Историк Н. Б. Лебина, отмечая, что ментальность советского человека остается величайшей загадкой истории, тем не менее, выделяет такие ее черты, как конформизм, антидемократизм, антииндивидуализм. Для советских людей были характерны большая склонность к патриархальным отношениям, открытость к дружбе и взаимопомощи, большие способности к существованию в сложных бытовых условиях [22, с. 10]. В МИД республики остро стоял вопрос об обеспеченности сотрудников жильем, многие семьи продолжали жить в ветхом доме № 20 по ул. Советской, что явилось причиной текучести кадров и нежелания выпускников МГИМО ехать на работу в Минск [26, ф. 907, оп. 2, д. 30, л. 46; д. 35, л. 82]. Постоянный представитель Белорусской ССР при ЮНЕСКО был вынужден довольствоваться

ся одной комнатой на двоих с представителем Украинской ССР [31, с. 205—208, 255] — союзный центр сэкономил валюту.

В начале хрущевских реформ представители советской номенклатуры создали мужской советский *New Look*, взяв за основу уже устаревшее к тому времени предложение Диора 1947 г.: солидные двубортные костюмы из черного или синего бостона с широкими брюками, габардиновые пальто, широкополые шляпы [22, с. 209—213, 258, 387]. Для белорусской политической элиты оказался непривычным стиль одежды Генерального секретаря ООН Д. Хаммаршельда, посетившего Минск в 1956 г.: количество костюмов, да еще светлых тонов, цветные галстуки, а во время гостевого приема в Нью-Йорке — размеры аппаратов, слишком большие для холостяка, и критерии отбора коллекции живописи [33]. В 1960-е гг. брюки советской элиты сужались, появились однобортные пиджаки с узкими лацканами, узконосые ботинки. На короткое время советская номенклатура оделась зимой в меховые «пирожки» или стилизованные папахи, такой фасон любил Н. С. Хрущёв [15].

В годы «оттепели» были организованы выставка П. Пикассо, фестиваль молодежи и студентов, международный кинофестиваль с широким показом фильмов итальянского неореализма, конкурс им. П. И. Чайковского, опубликованы «Один день из жизни Ивана Денисовича» А. Солженицына и «Теркин на том свете» А. Твардовского, «Наследники Сталина» Е. Евтушенко. Все это посещалось, читалось, обсуждалось и белорусской интеллигенцией. Произошла трансформация унифицированной, в значительной степени конформистской и посредственной, художественной культуры сталинской поры в многостилевую и эклектичную, носителями которой являлись «дети XX съезда» (А. Адамович). Для них было характерно, в частности, стремление приобщаться к мировой культуре и изучать ее достижения, причем не только заочно, а целью — построение справедливого и гуманного социализма [5, с. 3, 8].

Вместе с тем официальная политика в отношении литературы и искусства по-прежнему основывалась на принципах социалистического реализма — классовости и партийности. «Мы в руководстве сознательно были за оттепель и я сам. Мы испугались — действительно испугались. Мы испугались, что за оттепелью пойдет поток, а мы окажемся не в состоянии его контролировать, и он может и нас затопить. Он может выйти за советские берега, образовать такие волны, которые сметут все барьеры, стены, удерживающие советское общество. Мы хотели направить движение оттепели так, чтобы стимулировать только творческие силы, которые способствовали бы укреплению социализма. Мы и сами хотели ослабить контроль за художниками, но были в этой области

очень трусливы. У нашего народа есть на этот счет хорошая поговорка: "И хочется, и колется, и мама не велит", — признался Н. С. Хрущёв на пенсии [29, с. 6].

Политическая власть требовала произведений, пропагандирующих успехи коммунистического строительства, осуждала попытки «недозированной» критики событий советской истории и современности, инициировала кампании травли «очернителей» и формалистов, обосновывая свою позицию усилением идеологической борьбы в обстановке мирного сосуществования двух систем [41, с. 20—21]. Деятели искусства рассматривались Н. С. Хрущёвым как «верные помощники партии и правительства», а «книга — оружие партии». По убеждению советского лидера, «в Венгрии началось с писателей», «чесать языки — это не литература», «лакировщики — это наши люди, преданные партии», в коммунизме нет места абстракционизму и джазу, который сравнивался с радиопомехами [27, с. 447, 453, 456, 465, 523]. В связи с этим представляется аргументированной оценка Н. С. Хрущёва историком М. Гефтером как «первого ослушника сталинской системы, не сумевшего совладать со Сталиным в самом себе» [6, с. 181].

Оставаясь (по собственному признанию) в вопросах литературы сталинистом, Н. С. Хрущёв балансировал между либералами и консерваторами. Руководство Белорусской ССР чутко реагировало на колебания в отношении «центральная власть — интеллигенция». Писатель А. Кулаковский, главный редактор журнала «Маладосць», в 1958 г. за «искажение советской действительности» в своем творчестве был освобожден от должности [7, с. 145]. В октябре 1957 г. на совещании творческих работников Беларуси секретарь ЦК КПБ Т. Я. Киселёв и председатель республиканского союза писателей П. У. Бровка выступили в поддержку позиции Н. С. Хрущёва по вопросу о соотношении позитивного и критического материала в освещении жизни, а в марте 1963 г. негативную оценку ЦК КПБ получила работа «Мысли о современном белорусском романе» литературоведа В. Коваленко, который считал важным изучение творчества «буржуазных модернистов» Джойса, Пруста, Кафки [40, с. 68—69].

Вместе с тем рассматриваемое десятилетие для белорусской культуры оказалось плодотворным. В 1954 г. в Москве издали «Очерк истории белорусской советской литературы», годом позже состоялась Декада белорусской культуры с выходом книги «Искусство Советской Белоруссии» и награждением Я. Коласа, П. Бровки и М. Лынькова орденами Ленина. В романе И. Шамякина «Крыніцы», опубликованном в год XX съезда КПСС (его делегатом был Я. Колас), впервые в белорусской литературе создается отрицательный образ партийного функционера. Появились «Люди на болоте» И. Мележа, «Сосна при дороге» И. Наумен-

ко, «Птицы и гнезда» Я. Брыля, «Сердце на ладони» И. Шамякина, «Нельзя забыть» и «Колося под серпом твоим» В. Короткевича, «Измена» и «Третья ракета» В. Быкова. Открылось «второе дыхание» у получивших признание еще в сталинский период поэтов: вышли из печати сборники стихов П. Бровки («Пахне чабор», «А дни идут»), М. Танка («Мой хлеб насущный», «Глоток воды»), «Новая книга» А. Кулешова; П. Панченко написал сатирическое стихотворение «Приспособленцы» (1964). Были напечатаны подборки стихов ранее репрессированных М. Чарота, В. Дубовки, С. Граховского, роман Т. Гартного «Соки целины», сборник произведений П. Головача. К достижениям белорусской критики следует отнести такие исследования, как «Белорусский роман» А. Адамовича и «История белорусской советской литературы» в двух томах, статьи М. Ларченко о «нашанивском периоде» в истории белорусской культуры. В сборник «Сто лучших стихотворений поэтов народов СССР в русских переводах» (Москва, 1964) вошли стихи П. Глебки, П. Бровки, М. Танка, А. Кулешова. Один из номеров журнала «Советская литература» за 1962 г., издаваемого в столице Советского Союза на иностранных языках, был посвящен литературе и искусству республики. Перестав восхвалять Сталина, поэты (как и писатели) оставили сюжеты о Ленине и партии, дальнейшее развитие получила тема минувшей войны, а также появились новые — об освоении целины, урбанизации, дореволюционном прошлом. В центре Минска, на пересечении Ленинского проспекта и улицы Энгельса, открылся киоск «Поэзия». Чтение стихов на ступеньках Союза писателей, в парках столицы республики Н. Гилевичем, Г. Бородулиным, Г. Буравкиным не собирало многочисленные аудитории: в условиях продолжавшейся русификации слушатели предпочитали российских «шестидесятников». Вместе с тем, выражая несогласие с Н. С. Хрущёвым, заявившим в начале 1959 г. на ступеньках БГУ «чем скорее мы будем говорить по-русски, тем быстрее построим коммунизм», П. Панченко написал стихотворение «Родная мова» [7, с. 123—201; 21, с. 4, 18]. У В. Быкова и других белорусских писателей формировалось убеждение: одобряющая литература — «свой собственный могильщик», слишком жесткое планирование таит опасность нарушения собственных законов литературы, что выражается в снижении качества произведений; назначение литературы — «помогать ЦК находить лозунги, а не наоборот — лозунги ЦК иллюстрировать!» [42, с. 192—193].

Стимулом для развития белорусской живописи и скульптуры стал организованный в 1956—1957 гг. отбор работ для оформления штаб-квартиры ЮНЕСКО. 4 тыс. туристов и несколько сотен артистов из Белорусской ССР, став участниками Международного фестиваля

молодежи и студентов в Москве (1957 г.), приобщились к лучшим образцам хорового пения, танца, художественного чтения, игры на виолончели, духовых инструментах, аккордеоне, познакомились с джазом и саксофоном, имели возможность посетить организованную ЮНЕСКО выставку репродукций шедевров мирового изобразительного искусства [36, с. 73—75].

Побывавший в начале 1960-х гг. в Советском Союзе французский историк Ф. Бродель отмечал, что свобода творчества, которую требуют и желают писатели и художники, остается ключевой проблемой Советского Союза, а без развития искусства и литературы ни одна цивилизация не может достичь полного расцвета, не может полностью себя выразить. Вместе с тем Ф. Бродель констатировал сравнимый с развитыми странами уровень образования, расцвет математики и естественных наук — «они находятся в состоянии, близком к совершенному», советские ученые, если не учитывать их идеологических особенностей, ни в чем не уступали западным. Причины он видел в природных способностях, материальной поддержке государства, концентрации исследований на определенных направлениях [4, с. 534—538]. Сотрудника Секретариата ЮНЕСКО Ж. Шевалье, посетившего Минск летом 1957 г., поразили политтехнологический институт, в котором он провел полдня: почти 500 преподавателей и 7 тыс. студентов, из них 3 тыс. проживало в общежитиях, 7 факультетов, где студенты обучались 22 специальностям [31, с. 81].

В соответствии с рекомендациями ЦК КПБ вопрос изучения дипломатами белорусского языка и культуры обсуждался на двух заседаниях Коллегии в апреле 1959 г. Представляется, что такое внимание связано с активизацией деятельности белорусской эмиграции в связи с 40-летием БНР (март 1958 г.) и БССР (январь 1959 г.), стремлением дипломатии республики добавить аргументы в споры и разговоры о суверенитете Белорусской ССР, которые, в частности, возникали у сотрудников Секретариата ЮНЕСКО. К. В. Киселёв высказал мнение, что хотя часть сотрудников не являются белорусами по национальности, они должны знать белорусский язык и культуру республики. Министра поддержали члены Коллегии Б. В. Кудрявцев, В. В. Греков, А. С. Зайцев. По мнению последнего, белорусский язык следовало сделать основным в министерстве. В постановлении Коллегии отмечалось, что коллектив сотрудников МИД БССР уделяет недостаточно внимания изучению жизни белорусского народа, сотрудники министерства редко выезжают с чтением лекций в области и районы республики, значительная часть сотрудников слабо владеет белорусским языком и в силу этого не в состоянии глубоко и всесторонне изучать белорусскую литературу и ис-

куство. Коллегия обратилась в местком министерства с просьбой систематически организовывать экскурсии на промышленные предприятия, посещение театров, музеев, исторических и достопримечательных мест республики, чтение лекций о развитии народного хозяйства и культуры. Дипломатам предписывалось предусмотреть в индивидуальных планах по повышению идейно-теоретического уровня ознакомление с произведениями литературы и искусства белорусского народа; посещение занятий по изучению белорусского языка (трижды в месяц по два академических часа) [1, ф. 907, оп. 3, д. 376, л. 12—23; д. 389, л. 88—96, 104]. Сотрудников белорусского МИД стимулировало в указанном направлении также то обстоятельство, что с июля 1959 г. по решению Конгресса в США ежегодно проводилась неделя «порабощенных народов» [37, с. 249], к которым причислялись и белорусы. На заседании Коллегии в августе 1963 г. К. В. Киселёв предложил подумать об отражении в инициативных предложениях, связанных с членством республики в ЮНЕСКО, истории и культуры белорусского народа [32]. Вопрос об изучении дипломатами белорусской истории и культуры многократно обсуждался также партийной организацией внешнеполитического ведомства [26, ф. 907, оп. 2, д. 28, л. 36; д. 30, л. 24—25; д. 32, л. 3; д. 35, л. 91].

К. В. Киселёв в письме на имя министра иностранных дел СССР А. А. Громыко от 25 февраля 1961 г. информировал московский Центр, что республике требуются национальные дипломатические кадры, и нашел поддержку. В октябре 1961 г. ректор МГИМО был поставлен в известность о решении МИД СССР по этому вопросу: зачислять студентов-белорусов только на западный факультет (республика не нуждалась тогда в выпускниках восточного факультета); направлять на стажировку в посольства СССР в США, Англии, Франции, ГДР и на практику в Постоянное представительство Белорусской ССР при ООН, имея в виду, что в дальнейшем они будут работать в системе МИД БССР. Ректорату МГИМО было дано также указание о направлении в Минск сведений о студентах-белорусах с приложением анкетных данных о них [1, ф. 907, оп. 3, д. 453, л. 145; 35, с. 49—51].

В апреле 1962 г. Бюро ЦК КПБ поручило Министерству культуры и Белорусскому обществу дружбы и культурной связи с зарубежными странами (БелОКС) разработать тематику и обеспечить систематическое издание различной литературы о республике на иностранных языках для распространения среди иностранцев, принять меры для выпуска диафильмов, издать набор открыток, грампластинок и магнитофонных записей, создать новые документальные фильмы об успехах в развитии экономики и культуры, об исторических и природных достопримечательностях [26,

ф. 4-п, оп. 81, д. 1653, л. 120—144]. Президиум ЦК КПБ, рассмотрев через год вопрос о мерах по дальнейшему улучшению деятельности БелОКСа, указал на отсутствие настойчивости в выполнении указанного поручения [26, ф. 4-п, оп. 81, д. 1747, л. 14—20].

Писатель и журналист И. Дедков характеризовал «оттепель» как суровое, тяжелое, бедное время, но пронизанное светом надежды, ощущением огромных возможностей страны, хотя большинство граждан выражало скепсис по поводу быстрой реализации коммунистической идеи [13, с. 116—122]. До середины 1960-х гг. уровень жизни основной массы населения Советского Союза оставался низким, приближенным к потребительскому минимуму, при этом многие советские люди не ощущали себя обществом бедных, их внимание было переключено на реализацию масштабного коммунистического проекта [см.: 14]. Наблюдалось постепенное разрушение устоявшихся внешнеполитических стереотипов, их вытеснение инокультурными — Италия вызывала ассоциации не столько с Муссолини и фашизмом, сколько с Феллини и Данте, Англия — не с Чемберленом или Черчиллем, а с Шекспиром, футболом, «Битлз» [9, с. 270—271].

В 1954—1964 гг. в Советском Союзе произошла либерализация политического режима, были достигнуты успехи в освоении космоса, сокращался разрыв с западными странами по душевому доходу, продолжительности жизни, люди переезжали из коммуналок в отдельные жилье, в стране ощущался духовный и культурный подъем, но тоталитарная система, пережив определенную трансформацию, сохранилась [17; 18, с. 190; 39, с. 480—481]. Белорусские делегаты, которым в полной мере были свойственны указанные черты советского менталитета того времени, прежде всего, искренняя вера в превосходство всего советского, если не сейчас, то в перспективе, мирную победу коммунистической идеи, черно-белое восприятие мира, нетерпимость к инакомыслию, духовный подъем, свою деятельность в Организации воспринимали как «выполнение поручения народа, строящего коммунизм и желającego мира и дружбы с народами всех стран» [20, с. 9]. Они исходили из того, что для дипломатии западных стран характерны «ложь, коварство, давление, шантаж и запугивание», однако были научены не игнорировать тех ее выступлений, в которых отражаются политический реализм, стремление к поиску взаимоприемлемых решений и равноправию [16, с. 729—732].

Посланцы республики, предпочитая дипломатию монолога с представителями стран Запада, вместе с тем учились диалогу и сотрудничеству, поиску компромисса. Сотрудничество с ЮНЕСКО способствовало повышению профессионализма белорусских дипломатов и других непосредственных участников Организации. Они совершенствовали навыки пе-

реписки и редактирования проектов документов, практику участия в переговорном процессе, учились строгому соблюдению правил процедуры, пониманию взаимозависимости многосторонних структур (прежде всего ООН, ЮНЕСКО, а также других специализированных учреждений системы ООН), умению выстраивать выгодные политические коалиции, ораторскому мастерству. Участие в многосторонней дипломатии ЮНЕСКО способствовало изучению региональных различий и особенно-

стей более сотни государств, а подготовка к форумам сопровождалась значительным усилением координационной и аналитической работы внешнеполитического ведомства, активизацией других учреждений республики. Необходимость распространения информации о достижениях республики, ее дореволюционном прошлом, скептицизм западных коллег в вопросе о суверенитете БССР содействовали изучению языка, истории и культуры белорусского народа, занятиям научной работой.

Список использованных источников

1. Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь.
2. Безродный, Е. Ф. Братские связи и сотрудничество Советской Белоруссии со странами социалистического лагеря (материал в помощь лектору) / Е. Ф. Безродный. — Минск: О-во по распространению полит. и культур. знаний Белорус. ССР, 1959. — 18 с.
3. Безродный, Е. Ф. Вклад Советской Белоруссии в борьбу за мир и международное сотрудничество / Е. Ф. Безродный. — Минск: О-во по распространению полит. и культур. знаний Белорус. ССР, 1958. — 28 с.
4. Бродель, Ф. Грамматика цивилизаций: пер. с фр. / Ф. Бродель; предисл. М. Эмара. — М.: Весь мир, 2008. — 552 с.
5. Брусиловская, Л. Б. Культура повседневности эпохи «оттепели»: метаморфозы стиля / Л. Б. Брусиловская. — М., 2000. — 27 с.
6. Гефтер, М. Судьба Хрущёва. История одного неусвоенного урока / М. Гефтер // Октябрь. — 1989. — № 1. — С. 155—181.
7. Гісторыя беларускай літаратуры. У 4 т. Т. 3. — Мінск: Беларус. навука, 2002. — 950 с.
8. Гозман, Л. Я. Метафоры или реальность? Психологический анализ советской истории / Л. Я. Гозман, А. М. Эт-кинд // Вопросы философии. — 1991. — № 3. — С. 164—173.
9. Голубев, А. В. «Если мир обрушится на нашу Республику». Советское общество и внешняя угроза в 1920—1940-е гг. / А. В. Голубев. — М.: Кучково поле, 2008. — 384 с.
10. Голубев, А. В. Запад глазами советского общества (основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 1930-х гг.) / А. В. Голубев // Отечественная история. — 1996. — № 1. — С. 104—120.
11. Грушин, Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущёва, Брежнева, Горбачева и Ельцина. В 4 кн. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущёва / Б. А. Грушин. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 624 с.
12. Губанов, Н. Н. Менталитет: сущность, закономерности формирования, развития и функционирования в обществе / Н. Н. Губанов. — М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2014. — 31 с.
13. Дедков, И. Время Хрущёва. Взгляд из провинции / И. Дедков // Свободная мысль. — 1996. — № 1. — С. 116—122.
14. Зубкова, Е. «Привычка к бедности». Проблемы измерения уровня жизни в СССР в 1940—1960-е годы / Е. Зубкова // Рос. история. — 2013. — № 5. — С. 92—104.
15. Зубков, С. А. Хрущёв и Запад: механизмы формирования международного имиджа советского лидера / С. А. Зубков // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. — Вып. 4. — М.: Изд. центр Ин-та рос. истории РАН, 2007. — С. 127—152.
16. История дипломатии. Т. 5, кн. 2 / В. Н. Белецкий [и др.]; под ред. А. А. Громыко [и др.] — М.: Политиздат, 1979. — 766 с.
17. Касцюк, М. П. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М. П. Касцюк. — Мінск: Экаперспектыва, 2000. — 308 с.
18. Касцюк, М. П. Шлях да іспіны: гістарычная навука Беларусі ў канцы XX — пачатку XXI ст. / М. П. Касцюк. — Мінск: Экаперспектыва, 2015. — 252 с.
19. Кісялёў, Р. Я. Школа Савецкай Беларусі (1913—1970) / Р. Я. Кісялёў. — Мінск: Нар. асвета, 1968. — 188 с.
20. Колбасин, В. С. Белорусская ССР — член ЮНЕСКО / В. С. Колбасин. — Минск: Гос. изд-во БССР, 1963. — 39 с.
21. Краса і сіла: анталогія беларускай паэзіі XX стагоддзя / склад. М. Скобла; навук. рэд. А. Пашкевіч. — Мінск: Лімарыус, 2003. — 880 с.
22. Лебина, Н. Б. Энциклопедия банальностей: советская повседневность: контуры, символы, знаки / Н. Б. Лебина. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 444 с.
23. Левада, Ю. А. Ищем человека. Социологические очерки, 2000—2005 / А. Ю. Левада. — М.: Новое изд-во, 2006. — 384 с.
24. Люторович, П. В. Искусство советской Белоруссии / П. В. Люторович. — Минск: Гос. изд-во БССР, 1959. — 137 с.
25. Мазуров, К. Т. Незабываемое. Доп., дораб. переизд. / К. Т. Мазуров. — М.: Молодая гвардия, 1988. — 316 с.
26. Национальный архив Республики Беларусь.
27. Никита Сергеевич Хрущёв: два цвета времени: документы из личного фонда Н. С. Хрущёва. В 2 т. Т. 2 / гл. ред. Н. Г. Томилина; сост.: А. Н. Артизов, Л. А. Величанская, И. В. Казарина, М. Ю. Прокуменщиков (отв. сост.), С. Д. Та-ванец. — М.: МФД, 2009. — 656 с.
28. Орлова, Р. Мы жили в Москве: 1956—1980 / Р. Орлова, Л. Копелев. — М.: Книга, 1990. — 447 с.
29. Орлов, И. Б. «Человек исторический» в системе гуманитарного знания / И. Б. Орлов. — М.: Высш. шк. экономи-ки, 2012. — 191 с.
30. Развіццё беларускай сацыялістычнай культуры / Ін-т філасофіі Акад. навук БССР. — Мінск: Выд-ва АН БССР, 1960. — 332 с.
31. Свилас, С. Ф. Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954—1964 гг.) / С. Ф. Свилас. — Минск: БГУ, 2013. — 463 с.
32. Свилас, С. Ф. Об инициативных предложениях Министерства иностранных дел Белорусской ССР (1953—1964 гг.) / С. Ф. Свилас // Рэспубліка Беларусь. 20 год незалежнасці: зб. матэрыялаў Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 24—25 ліст. 2011 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. — Мінск: Беларус. навука, 2012. — С. 454—458.
33. Свилас, С. Ф. Об открытии Постоянного представительства Белорусской ССР при ООН / С. Ф. Свилас // Журн. междуна-р. права и междуна-р. отношений. — 2006. — № 4. — С. 70—74.

34. Свилас, С. Ф. О визите заместителя Генерального директора ЮНЕСКО Рене Майо в Минск (апрель 1961 г.) / С. Ф. Свилас // Актуальные проблемы и перспективы изучения новой и новейшей истории зарубежных стран: материалы междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. 75-летию образования каф. истории нового и новейш. времени / редкол.: В. С. Кошелев (пред.) [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2012. — С. 168—171.
35. Свилас, С. Ф. О кадровом составе Министерства иностранных дел Белорусской ССР в 1953—1964 гг. / С. Ф. Свилас // Беларусь в современном мире: материалы VIII Междунар. науч. конф., посвящ. 88-летию образования Белорус. гос. ун-та. Минск, 30 окт. 2009 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Тесей, 2009. — С. 49—51.
36. Свилас, С. Ф. VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве (1957 г.) и Белорусская ССР / С. Ф. Свилас // Беларусь в современном мире: материалы XIII Междунар. науч. конф., посвящ. 92-летию образования Белорус. гос. ун-та. Минск, 30 окт. 2013 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2014. — С. 73—75.
37. Системная история международных отношений в двух томах. Т. 2: События 1945—2003 годов / под ред. А. Д. Богатурова. — М.: Культурная революция, 2006. — 720 с.
38. Счастный, В. Г. Художники Парижской школы из Беларуси. Эссе, биографии, путеводитель. 2-е изд., перераб. и доп. / В. Г. Счастный — Минск: Четыре четверти, 2012. — 176 с.
39. Тоталитаризм. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / рук. авт. кол. Я. С. Драбкин, Н. П. Комолова. — М.: Памятники ист. мысли, 1996. — 540 с.
40. Шадурский, В. Г. Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1945—1990-е гг.) / В. Г. Шадурский. — Минск: БГУ, 2000. — 285 с.
41. Шпакова, Т. А. Духовная жизнь советского общества второй половины 50-х — начала 60-х годов (по материалам дискуссий в области литературы и искусства) / Т. А. Шпакова. — М.: Ин-т истории АН СССР, 1990. — 21 с.
42. Эггелинг, В. Политика и культура при Хрущёве и Брежнев. 1953—1970 гг. / В. Эггелинг. — М.: АИРО-XX, 1999. — 312 с.

Статья поступила в редакцию в июне 2016 г.